

ЛЕНИН И ИСКУССТВО

Поистине гигантская революционная работа, теоретическая и практическая, которой до краев была заполнена вся жизнь Владимира Ильича Ленина, не оставляла ему времени, не давала возможности непосредственно и вплотную заняться вопросами искусства.

В своих воспоминаниях о В. И. Ленине А. В. Луначарский писал: «Еще в 1905 году, во время первой революции, ему пришлось раз ночевать в квартире тов. Д. И. Лещенко, где, между прочим, была целая коллекция книжечек изданий, посвященных крупнейшим художникам мира. На другое утро Владимир Ильич сказал мне: «Какая увлекательная область истории искусства. Сколько здесь работы для коммуниста. Вчера до утра не мог заснуть, все рассматривал одну книгу за другой. И досадно мне стало, что у меня не было и не будет времени заняться искусством». Эти слова Ильича запомнились мне чрезвычайно четко».

И тем не менее ни один советский искусствовед, литературовед не может обойтись в своей работе без самого тщательного и всестороннего изучения трудов Ленина. Именно в сочинениях Ленина содержатся важнейшие теоретические предположения для построения современной научной эстетики. Философские и исторические взгляды Ленина, характер его политических оценок различных явлений идеологии, высказывания о роли литературы и о крупнейших литературных деятелях прошлого представляют собой основу основ марксистско-ленинской эстетики. Они дают нам надежнейший метод для уяснения диалектического взаимодействия художника и общества, позволяют исторически правильно осмыслить великое прошлое искусства и литературы, служат верным ориентиром в оценке новых конкретных явлений искусства, освещают путь в будущее.

Не только искусствоведу, но и художнику, который стремится выполнить благородный пушкинский завет и хочет по культурному развитию быть вровень со своим временем, надо изучать и изучать труды Ленина.

Литературное наследие Ленина велико и многообразно. Изложить его «вкратце» в газетной статье немисливо. Нам придется здесь ограничиться только двумя вопросами, имеющими наибольшую актуальность: о партийности и народности искусства.

Начнем с одного высказывания Ленина, в котором с наибольшей силой сформулировано ленинское отношение к литературе:

«...роль передового борца, — писал Ленин, — может выполнить только партия, руководимая передовой теорией. А чтобы хоть сколько-нибудь конкретно представить себе, что это означает, пусть читатель вспомнит о таких предшественниках русской социал-демократии, как Герцен, Белинский, Чернышевский и блестящая плеяда революционеров 70-х годов; пусть подумает о том всемирном значении, которое приобретает теперь русская литература; пусть... да довольно и этого!» (т. IV, стр. 380—381).

Писал это Ленин в 1902 году, в своей классической работе «Что делать?», — в той самой работе, в которой он только что изложил идеологические основы партии нового типа, большевистской партии. Услоня жизни и работы революционных марксистов той поры он обрисовал словами, исполненными самого глубокого лиризма: «Мы идем тесной кучкой по обрывистому и трудному пути, крепко взявшись за руки. Мы окружены со всех сторон врагами, и нам приходится почти всегда идти под их огнем».

Вот в это время, когда читатель еще не знал, что такое партия, руководимая передовой теорией и выполняющая роль передового борца, Ленин разъяснял неизвестное понятие (партия нового типа, идеологические основы которой лишь закладывались) при помощи понятий известных. А известными понятиями были Белинский, Герцен, Чернышевский, впервые названные здесь Лениным — предшественниками русской социал-демократии. Эти деятели упомянуты здесь Лениным затем, чтобы читатель мог «хоть сколько-нибудь конкретно представить себе», что означает роль передового борца. И именно в этой связи говорит Ленин о русской литературе, приобретающей всемирное значение.

С большой любовью писал Ленин о Чернышевском. Его он высоко ценил не только как выдающегося теоретика и публициста, но и как художника. «Великий русский писатель» — называет он Чернышевского. «От его сочинения веет духом классовой борьбы». В устах Ленина — это наивысшая похвала.

Когда Плеханов подверг несправедливо резкой критике взгляды Чернышевского, Ленин сделал на полях книги пометку: «...Плеханов просмотрел практически поли-

тическое и классовое различие либерала и демократа» («Ленинский сборник», т. XXV, стр. 231).

Роль передового борца — вот что более всего ценит Ленин в Герцене. Он рекомендует «смотреть на суть дела, а не на фразы... исследовать классовую борьбу, как основу «теорий» и учений, а не наоборот». На примере Герцена Ленин советует пролетариату учиться «определению роли разных классов в русской и международной революции», «понимать, что безавестная преданность революции и обращение с революционной проповедью к народу не пропадает даже тогда, когда целые десятилетия отделяют посев от жатвы».

С симпатией пишет Ленин о Герцене, но при этом ничего не замазывает. Он отмечает и то, что «его бесцельные слащавые письма в «Колоколе» к Александру П. Вешнякову... нельзя теперь читать без отвращения», и то, что в его учении «нет ни грана социализма». Но «при всех колебаниях Герцена между демократизмом и либерализмом, демократ все же брал в нем верх», он сыграл «великую роль в подготовке русской революции», его заслуги велики, и главная из них — активное участие в политической борьбе своего времени, революционная практика (т. XV, стр. 464—469).

В своих устных выступлениях и печатных трудах Ленин довольно часто иллюстрировал свои мысли цитатами из русских писателей. Здесь встречаются цитаты из Грибоедова, Крылова, Гоголя, Тургенева, Гончарова, Чернышевского, Добролюбова, Писарева, Помяловского, Некрасова, Успенского, Толстого, Короленко, Чехова, Андреева, Маяковского и других. Но чаще и охотнее всего Ленин в полемике использовал сатиру Шедрина.

Конечно, не все эти писатели и далеко не во всех своих произведениях являли образец передовых борцов. Но в разное время и в разной степени они изобличали крепостничество и самодержавный строй со всеми его гнусными порождениями, хамство, низкопоклонство, двоедушие, приспосабличество, бесовский капиталистический разбой, елейное пезуитство попов и пр. И Ленин могучим рефлектором своей мысли и слова освещал эти стороны творчества писателей. Смысл и значение этого акцента на обличениях станет нам вполне ясным, когда мы обратимся к книге Ленина «Что делать?».

В ней, правда, вовсе не идет речь ни об искусстве, ни о художественной литературе. Но нет ни малейшего сомнения в том, что именно здесь мы найдем ключ к правильному партийному пониманию идейно-воспитательной роли дореволюционного русского искусства.

«Чтобы стать социал-демократом, — пишет Ленин, — рабочий должен ясно представлять себе экономическую природу и социально-политический облик помещика и попа, сановника и крестьянина, студента и бюрократ, знать их сильные и слабые стороны, уметь разбираться в тех ходячих фразах и всевозможных софизмах, которыми прикрывает каждый класс и каждый слой свои эгоистические поползновения и свое настоящее «цутро», уметь разбираться в том, какие учреждения и законы отражают и как именно отражают те или другие интересы. А это «ясное представление» не почерпнешь ни из какой книжки: его могут дать только живые картины и по горячим следам составленные обличения того, что происходит в данный момент вокруг нас... Эти всесторонние политические обличения представляют из себя необходимое и основное условие воспитания революционной активности масс».

Мы видим, какое огромное значение придавал Ленин «живым картинам», обличающим всю мерзопакость царской полицейщины, эксплуатации и обмана трудящихся. Обличения Ленин считал основным условием, наиболее важным и эффективным средством воспитания революционной активности масс. Кажется, кто знает лучшие традиции русской литературы и театра, начиная с революционных стихов Пушкина и Рыльева, о «Ревизора» и «Мертвых душ» Гоголя, или — даже еще раньше — с «Недоросля» Фонвизина и «Горя от ума» Грибоедова, — ясно, что развернутые здесь нашими художниками «живые картины» много способствовали идейно-политическому воспитанию народа. Русская литература и искусство присущими им художественными средствами вели ту самую обличительную работу, которая была так нужна пробуждению сознания масс.

И все же Ленин в преддверии первой революции считал, что обличений у нас еще мало, что они робки и разрозненны, «...мы не умеем, — писал он, — собирать, если можно так выразиться, и концентрировать все те капли и струйки народного возбуждения, которые высачиваются русской жизнью в количестве неизмеримо большем, чем все мы себе представляем и думаем, но которые надо именно соединить в один гигантский поток».

Замечательно, что в 1902 году, когда

Ленин писал эту свою работу, стал выходить на широкий путь русского искусства. М. Горький, который уже с точки зрения пролетариата обличал «свинцовые мерзости» старой жизни и так сильно способствовал тому, чтобы разрозненные капли и струйки народного возбуждения именно слились в один могучий революционный поток.

Развернутых работ о художественном творчестве отдельных писателей Ленин не оставил. Весьма примечательное исключение составляют лишь его широко известные статьи о Льве Толстом: «Лев Толстой, как зеркало русской революции», «Л. Н. Толстой», «Л. Н. Толстой и его эпоха» и другие.

Великой заслугой Л. Толстого Ленин считает «резвый реализм, срывание всех и всяческих масок». В этих словах заключено замечательное определение старого критического реализма: он приравнен к обличению, срыванию всех и всяческих масок. Истинный художник-реалист отражает в своем творчестве не поверхность явлений, а самую их сущность. Но в капиталистическом обществе, построенном на эксплуатации и обмане масс, сущность вещей прикрыта масками. Художник-реалист не может вскрыть эту сущность, если он не срывает маски, не становится на путь обличения. Художник тогда справляется со своей задачей, когда правильно отражает действительность в своем творчестве, когда отбрасывает прочь все лишние прикрития и маски и прорывается к истинной сущности вещей.

В творчестве великого писателя есть сила и слабость, есть разум и предрассудок. И центр тяжести вовсе не в том, что этот предрассудок в какой-то степени соответствует предрассудкам отсталого, невежественного и забитого крестьянства. Центр тяжести — в том, что откуда бы этот предрассудок ни исходил, он не отражает действительных потребностей жизни. Между тем, пониманию действительности и продвижению вперед способствуют лишь отражения истинных потребностей развития.

В своей работе «О диалектическом и историческом материализме» товарищ Сталин писал:

«Общественные идеи и теории бывают различные. Есть старые идеи и теории, отжившие свой век и служащие интересам отживающих сил общества. Их значение состоит в том, что они тормозят развитие общества, его продвижение вперед. Бывают новые, передовые идеи и теории, служащие интересам передовых сил общества. Их значение состоит в том, что они облегчают развитие общества, его продвижение вперед, причем они приобретают тем большее значение, чем точнее они отражают потребности развития материальной жизни общества».

Именно об этих идеях Сталин говорит, что они «пробивают себе дорогу, становятся достоянием народных масс», что они способны «привести в движение широкие массы народа».

Ленин и Сталин вовсе не учат нас преклоняться перед любым порождением народного сознания. Высмеивая Булгакова, который в своей полемике с Герценом укорял австрийского критика за то, что он «остается слишком связан мнениями своей партии», Ленин (в 1902 году) замечает: «Подданный порабощенного политически государства, в котором население до мозга костей развращено политическим холопством и полным непониманием партийной чести и партийной связи, — высокомерно выговаривает гражданскому конституционному государству за чрезмерную «связанность мнениями партии»! Кто же может сомневаться в том, что это «политическое холопство» порождает в народе множество предрассудков. И неужто добродетелью для художника, свидетельством его «народности» было бы «отражение» этих предрассудков в положительном смысле?»

В одном из своих писем А. М. Горькому Ленин высказывается очень резко: «Народное» понятие о боженке и божецком есть «народная» тупость, заботливость, темнота, совершенно такая же, как «народное представление» о царе, о лешем, о таскании жен за волосы. Как можете вы «народное представление» о боге называть «демократическим», я абсолютно не понимаю».

Не надо думать, что Ленин считал всякого рода предрассудки как бы «монополей» одного только крестьянства. Он не уставал подчеркивать, что «стихийное рабочее движение есть трагедия», что «наша задача... состоит в борьбе со стихийностью».

Это и определяет задачи партии, как авангарда рабочего класса, во всем величии ставит вопрос о передовых борцах, о широком размахе идейно-воспитательной работы.

Искусству и литературе, как мы видели, здесь принадлежит почетное место. И вполне естественно, что Ленин выдвигал

лозунг: «Литературное дело должно стать частью общепролетарского дела».

В своей знаменитой статье «Партийная организация и партийная литература» он пишет: «Мы хотим создать и мы создадим свободную печать не в полицейском только смысле, но также и в смысле свободы от капитала, свободы от карьеризма; — мало того: также и в смысле свободы от буржуазно-анархического индивидуализма».

Предвидя, что такая формулировка может вызвать неистовый крик со стороны буржуазных индивидуалистов и пылких поборников «святой и нерушимой», т. е. буржуазной свободы, Ленин дает гневную отповедь этим лицемерным кликушам:

«...господа буржуазные индивидуалисты, — говорит он, — мы должны сказать вам, что ваши речи об абсолютной свободе — одно лицемерие... Свободны ли вы от вашего буржуазного издателя, господина писателя? от вашей буржуазной публики, которая требует от вас порнографии в рамках и картинах, проституции в виде «дополнения» к «святому» сценическому искусству?.. Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя. Свобода буржуазного писателя, художника, актрисы есть лишь замаскированная (или лицемерно маскируемая) зависимость от денежного мешка, от подкупа, от содержания... Это будет свободная литература, потому что она будет служить не пресыщенной героине, не скучающим и страдающим от ожирения «верхним десятиям тысячам», а миллионам и десяткам миллионов трудящихся, которые составляют цвет страны, ее силу, ее будущность» (т. VIII, стр. 389—390).

Это писалось еще в первую революцию, в ноябре 1905 г. Мысль о том, что литература должна стать частью общепролетарского дела, является, по сути, выволом из всех предшествовавших работ нашего великого вождя. В предреволюционной обстановке важнейшая задача партии, как передового революционного борца, состояла в идейно-политическом воспитании масс, во всенародном обличении мерзостей старого самодержавного и эксплуататорского строя, а русская литература в лице лучших своих представителей и лучшими своими произведениями способствовала решению этой задачи. Партийные литераторы-публицисты действовали в том же направлении с несравненно большей идейной последовательностью и целенаправленностью. Естественной явилась постановка вопроса о партийном контроле над работой партийных литераторов.

В той же статье Ленина мы находим многие блистательные предвидения об искусстве, свободном от капитала и поставленном действительно на службу народа.

Исключительно важны высказывания уже советского периода, записанные Кларой Цеткин.

Приведем только два наиболее ярких высказывания Ленина:

«...Важно... не то, что дает искусство нескольким сотням, даже нескольким тысячам общего количества населения, исчисляемого миллионами. Искусство принадлежит народу. Оно должно уходить своими глубочайшими корнями в самую толщу широких трудящихся масс. Оно должно быть, понятно этим массам и любимо ими. Оно должно объединять чувства, мысль и волю этих масс, поднимать их. Должны ли мы небольшому меньшинству подносить сладкие уточенные бисквиты, тогда как рабочие и крестьянские массы нуждаются в черном хлебе? Я понимаю это, само собой разумеется, не только в буквальном смысле слова, но и фигурально, — мы должны всегда иметь перед глазами рабочих и крестьян. Ради них мы должны научиться хозяйничать, считать. Это относится также и к области искусства и культуры» (курсив мой. — И. Л.).

Второе высказывание касается вопроса о «хлебе и зрелищах».

«Многие искренне убеждены, — сказал Ленин, — в том, что *rapem et circenses* («хлебом и зрелищами») можно преодолеть трудности и опасности переходного периода. Хлебом — конечно! Что касается зрелищ, — пусть их! — не возражаю. Но пусть при этом не забывают, что зрелища — это не настоящее большое искусство, а скорее более или менее красивое развлечение. Не надо при этом забывать, что наши рабочие и крестьяне несколько не напоминают римского люмпен-пролетариата. Они не содержатся на счет государства, а содержат сами трудом своим государство... Они получили право на настоящее великое искусство».

Коммунистическая идейная направленность искусства, его подлинная народность, борьба за высокое художественное качество, за великое искусство, свободное не только от капитала, но и от пережитков капитализма в сознании людей — тако- вы заветы Владимира Ильича Ленина.

И. ЛЕЖНЕВ